

Европейское наступление Пекина

© 2017

А.О. Виноградов

11 декабря 2016 г. исполнилось 15 лет с момента вступления КНР в ВТО. По утверждению китайской стороны, этот срок является основанием для автоматического предоставления Китаю статуса страны с рыночной экономикой. Что изменится в отношениях Китая и стран Европейского союза после этой даты и что стоит за нежеланием европейских стран предоставить Китаю данный статус? Как повлияют на отношения КНР и ЕС результаты референдума в Великобритании? Каковы перспективы заключения соглашения о Трансатлантическом партнерстве ЕС и США и как в результате изменятся позиции Китая в Европе? Эти и другие вопросы рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: Европейский союз (ЕС), Китай (КНР), ВТО, статус, brexit, Великобритания, США, Трансатлантическое партнерство.

В первой половине 2016 г. создавалось впечатление, что европейское наступление Пекина, о котором говорили некоторые исследователи¹, замедлилось или сталкивается с рядом трудностей. В их числе — споры о предоставлении Китаю статуса страны с рыночной экономикой, переговоры по поводу Трансатлантического партнерства ЕС и США и так называемый brexit, то есть результаты июньского референдума в Великобритании по поводу выхода из состава ЕС.

Споры вокруг статуса «страны с рыночной экономикой» связаны с 15-летней годовщиной присоединения Китая к ВТО (Протокол о присоединении КНР к ВТО был подписан 11 декабря 2001 г.). Причем за долгие годы споров с европейцами, упорно не желающими предоставить рыночный статус Китаю², сами китайцы смогли убедить практически всех комментаторов в том, что в соответствии с уставом ВТО и подписанными документами по истечении 15 лет с момента вступления рыночный статус должен быть предоставлен КНР автоматически. Убедили всех, кроме самих европейцев и фактически стоящих за их спиной США. В чем проблема?

Обратимся к тексту Протокола³. Пункт (d) параграфа 15 части I («Общие положения»), который имеет непосредственное отношение к проблеме, сформулирован таким образом: «Как только Китай устанавливает, в соответствии с национальным законодательством страны-импортера, являющейся членом ВТО, что его экономика является рыночной, условия пункта (a) должны потерять силу в связи с тем, что национальное законодательство страны-импортера содержит критерии рыночной экономики на момент вступления. В любом случае условия пункта (a.ii) должны потерять силу через 15 лет после даты вступления. Кроме того, если Китай устанавливает, в соответствии с национальным законодательством страны-импортера, являющейся членом ВТО, что рыночные условия преобладают в какой-либо зоне промышленности или секторе, условия пункта (a) больше не должны относиться к этой зоне или сектору».

Таким образом, пункт (d) на самом деле является примечанием к пункту (a) того же параграфа, который, в свою очередь, гласит:

«(a.i.) Если производители продукции в ходе антидемпингового расследования могут с очевидностью доказать, что условия рыночной экономики преобладают в секторе промышленности, производящей данную продукцию, и это касается всех этапов — изготовления, производства и продажи, то страна-импортер ВТО должна при определении ценовой сопоставимости опираться на китайские цены или затраты для промышленности;

(a.ii) Если производители продукции в ходе антидемпингового расследования не могут с очевидностью доказать, что условия рыночной экономики преобладают в секторе промышленности, производящей данную продукцию, относительно изготовления, производства и продажи, страна-импортер ВТО может использовать методологию, которая не основана на строгом сравнении с внутренними ценами или затратами в Китае».

Если эту юридическую казуистику перевести на понятный язык, то следует отметить несколько моментов. О чем идет речь и что такое рыночный статус?

Первое: все вышеуказанные положения касаются исключительно антидемпинговых процедур и используются в ходе антидемпинговых расследований. Второе: рыночный статус принципиально важен для определения «справедливой» цены в ходе данных расследований. Если экономика страны-экспортера признается рыночной, то за основу при определении «справедливой» цены принимаются местные цены и затраты. Если нет — страна-импортер вольна определять «справедливую» цену другими способами (путем сопоставления с ценами других стран, которые считаются рыночными⁴). При этом предусмотрена возможность объявлять те или иные отрасли рыночными еще до того, как будет признана рыночной вся экономика.

Пункт (d), как видим, действительно содержит фразу о том, что по истечении 15 лет возможности использовать другие методики определения цены, кроме тех, что основаны на ценах и затратах страны-экспортера, исчезают автоматически. Что, естественно, лишает большинство антидемпинговых расследований в отношении цены китайской продукции перспектив быть законченными успешно для стран-импортеров. В результате у США и стран ЕС, которые являются основными импортерами китайской продукции, исчезают рычаги давления на Китай.

Разумеется, прежде всего это не устраивает Евросоюз. Предоставление Китаю статуса страны с рыночной экономикой очевидно ограничит способность ЕС сдерживать импорт сравнительно дешевой китайской продукции. В настоящий момент из 69 антидемпинговых мер, применяемых ЕС, 52 действуют в отношении китайских товаров, в том числе стали, керамики, продукции химической промышленности и машиностроения. По данным Еврокомиссии, такие меры распространяются на 1,38% европейского импорта из Китая и затрагивают 250 тыс. рабочих мест в странах-членах ЕС. По состоянию на январь 2016 г., из 28 антидемпинговых расследований, проводимых Европейской комиссией, 16 касаются ввоза товаров из Китая⁵. Получение Китаем статуса рыночной экономики может повлечь за собой сокращение производства европейской продукции на сумму от 114 до 228 млрд евро ежегодно, или 1–2% ВВП, и привести к потере 1,7–3,5 млн рабочих мест в Евросоюзе⁶.

Начиная с января 2016 г. Европейская комиссия обсуждает возможность признания Китая страной с рыночной экономикой. В феврале этот вопрос был рассмотрен на встрече министров торговли стран ЕС в Амстердаме, однако окончательное решение отложили до лета.

Позиции стран-членов ЕС по этому вопросу разнятся. «За» выступают Великобритания, Нидерланды, Финляндия, Швеция и Дания. Германия готова согласиться на предоставление статуса, но при защите некоторых отраслей своей промышленности. Категорически против изменения статуса китайской экономики выступает Италия⁷.

Наиболее сложная позиция по вопросу статуса китайской экономики у США. На словах они еще в конце прошлого десятилетия признали характер китайской экономики рыночным. Однако юридически это не было зафиксировано, и время от времени США вводили компенсационные пошлины против ряда китайских товаров. Перечень продукции, на импорт которой в США были наложены дополнительные таможенные сборы, включал в себя более 20 позиций. Дополнительными пошлинами стали облагаться поставляющиеся из Китая солнечные батареи, ветровые генераторы, мелованная бумага, стальные раковины, лимонная кислота, различные виды труб, включая изделия для нефтедобычи, провода и прессованная продукция из алюминия и др. С 2007 по 2012 г. Министерство торговли США 17 раз вводило компенсационные таможенные пошлины для китайских товаров. Среднегодовой объем попавшей под дополнительные сборы продукции оценивается более чем в 7 млрд долл. В 2012 г. Китай был вынужден обратиться в суд ВТО, чтобы добиться отмены Вашингтоном необоснованных торговых барьеров. В 2014 г. суд ВТО удовлетворил претензии Пекина. В решении экспертов ВТО говорилось, что Вашингтон не смог юридически доказать, что китайские экспортеры являются государственными органами. По этой причине к данным компаниям нельзя применять так называемые компенсационные пошлины. То есть суд ВТО фактически признал, что китайская экономика является рыночной⁸.

Сегодня предоставление Китаю статуса рыночной экономики в торговле с ЕС совершенно противоречит усилиям США по созданию так называемого Трансатлантического партнерства (ТТП — Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство). В связи с этим американская сторона, начиная с конца 2015 г., пытается надавить на Брюссель, чтобы замедлить сроки предоставления Пекину желаемого статуса.

Понятно, что, если судить с принципиальных позиций, мало кто согласится с тем, что Китай является страной с рыночной экономикой, то есть такой, где основные параметры функционирования экономики, прежде всего цены на производимые товары, определяются рынком. Как бы ни называли мы Китай — социалистической страной, страной госкапитализма, «специфического рыночного китайского социализма» — ведущая роль государства и компартии в определении стратегии развития и конкретных форм ее воплощения в жизнь сомнению не подлежит. И в том, что касается идеологии, китайские лидеры — прежде всего, Си Цзиньпин, предпринимающий активные усилия по укреплению своей власти в КНР — не устают подчеркивать, что Китай строит социализм, пусть и с китайской спецификой. И руководящая роль компартии в этом строительстве несомненна.

Цены на продукцию (прежде всего предприятий, относящихся к государственному сектору экономики) в КНР в большинстве случаев формируются путем административного торга, а не в результате соотношения спроса и предложения⁹. Однако то же самое можно сказать про большинство стран мира — свободный рынок существует лишь в работах классиков английской политэкономии. В реальной жизни на процесс ценообразования в стране влияют, прежде всего, существующие в ней формы организации власти и хозяйственной жизни, а также множество косвенных факторов, не связанных с соотношением спроса и предложения¹⁰. Можно вспомнить и о субсидировании в развитых странах различных секторов экономики, например, сельского хозяйства.

Это позволяет китайцам вполне обоснованно говорить о размытости критериев рыночной экономики и использовании двойных стандартов странами, имеющими решающий голос в ВТО и других международных организациях, связанных с торговлей и финансами¹¹.

То, что внутренние цены в Китае намного ниже по сравнению с ценами в Европе и США, объясняется низкими издержками производства (более дешевая рабочая сила) и заниженным курсом юаня (если сравнивать по паритету покупательной способности), а не тем, что ценообразование происходит «нерыночными» методами. В любом случае, ес-

ли в ходе антидемпинговых расследований опираться на внутренние китайские цены, то вероятность выигрыша КНР в соответствующих инстанциях весьма велика.

В мае 2016 г. Европарламент принял специальное решение о том, что Китай не является страной с рыночной экономикой¹². Не удалось достичь решения и на саммите КНР — ЕС 12–13 июля 2016 г. в Пекине. Там лишь решили создать специальную двустороннюю комиссию для обсуждения данного вопроса и подготовки «дополнительного соглашения». На саммите G-20 в Ханчжоу этот вопрос если и обсуждался, то в ходе двусторонних встреч при закрытых дверях.

Затяжка с предоставлением Китаю рыночного статуса чревата большим скандалом и для ЕС, и для ВТО в целом. Китайская сторона уже активно обвиняет Евросоюз в «нарушении слова». Европейцы пытаются выторговать в обмен на предоставление статуса какие-то дополнительные возможности, например, предусмотреть некий «переходный» период и временно сохранить защитные меры в отношении сталелитейного, химического и текстильного производства. В этом случае ЕС может сохранить и существующие антидемпинговые пошлины, действующие, как правило, в течение пяти лет — до того момента, пока они не истекут.

При этом главная проблема для ЕС и США сегодня — это избыточные мощности в Китае в сталелитейной промышленности. Пытаясь решить проблему избыточных мощностей, китайские компании активно предлагают свою продукцию на внешнем рынке. Интенсификация металлургического конфликта приводит к обострению проблемы рабочих мест в этой отрасли европейской промышленности, и без того ослабленной кризисом. В связи с этим европейцы, по-видимому, намерены сопротивляться до конца и попытаться выторговать себе как можно больше пространства для маневра. Не исключено, что за счет США.

Дело в том, что Китай очень обеспокоен ходом переговоров по заключению соглашения о Трансатлантическом партнерстве между ЕС и США. Пекин обоснованно полагает, что заключение этого соглашения нанесет вред его интересам в Европе. Тем более, что соглашение касается не только торговли, но и инвестиций, то есть способно воспрепятствовать проникновению в Европу китайского капитала¹³. Поэтому КНР старается, как минимум, замедлить этот процесс.

Создается впечатление, что Китаю это удастся. По крайней мере, ряд видных европейских политиков (в том числе представители ведущих стран ЕС — Германии и Франции) выступили резко против заключения ТТІР. Можно предположить, что это результат какого-то скрытого от наблюдателей торга с китайцами.

Что касается пресловутого brexit'a, то первые комментарии по поводу прошедшего в июне в Великобритании референдума относительно выхода из состава Евросоюза сводились, в связи с Китаем, к тому, что это серьезно осложнит европейскую политику Пекина. Как подчеркивали авторы комментария «Brexit: почему выход Британии из Евросоюза может обернуться крахом китайского курса на интеграцию с Европой?» на авторитетном сайте «Южный Китай», «Британия оставалась главной надеждой на “сопряжение” Шелкового пути до Берлина и Парижа — однако теперь этому курсу, возможно, придет конец и Пекин окажется один на один с переговорщиками из Германии»¹⁴. Именно этим объясняется давление на британские власти и общественность, оказанное МИД КНР, который заявил, вопреки обычной позиции КНР о невмешательстве во внутренние дела других стран, что «Китай надеется видеть процветающую Европу и объединенный ЕС, и надеется, что Британия, как его важный член, сможет играть еще большую позитивную и конструктивную роль в укреплении связей между Китаем и Евросоюзом»¹⁵. А руководитель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в Великобританию в октябре 2015 г., открывшего, по мнению британской и китайской прессы, «золотую эру в отношениях двух стран», недвусмысленно призвал британцев остаться в рамках ЕС¹⁶.

В последнее время Великобритания, действительно, стала превращаться в одного из основных, наряду с Германией, союзников Китая в Европе, в плацдарм для проникновения последнего на европейский континент и роста там китайского экономического и финансового влияния.

Великобритания создала первый вне азиатского региона китайский юаневый клиринговый центр (соглашение было подписано в ходе визита Ли Кэцзяна в Лондон в июне 2014 г.), первой среди развитых стран выпустила гособлигации в юанях и поддерживала китайский юань в присоединении к валютной корзине МВФ специальных прав заимствования (СПЗ). И, наконец, первой среди западных держав «заняла ведущую позицию в отношении присоединения к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций» (АБИИ) и несмотря на возражения США первой подала заявление на присоединение к этому банку, «подготовив другим западным странам путь для присоединения».

Великобритания первой среди развитых стран начала осуществлять совместный проект строительства на своей территории высокоскоростных железных дорог, подписала соглашение с Китаем о сотрудничестве в области атомной энергетики, а в ходе визита Си Цзиньпина — соглашение о сотрудничестве в создании спортивных электромобилей «Рапид-С» на базе «Астон-Мартин» (на 75 млн долл.) с применением фирмой Geely китайских технологий производства спортивных электромобилей.

Как финансово, так и технологически Китай принимает активное участие в амбициозном британском проекте по развитию и реиндустриализации севера страны (Northern Powerhouse). Пекин инвестирует в этот проект серьезные суммы и строит высокоскоростные дороги, призванные связать этот когда-то промышленно развитый район с югом страны. И именно Пекин оказывает содействие в создании на базе пяти городов (Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Шеффилд и Ньюкасл) новой городской агломерации и в строительстве соответствующей инфраструктуры. В ходе визита (2015 г.) Си Цзиньпин вместе с тогдашним премьером Кэмероном побывал в Манчестере, посетив не только местную академию футбола, но и аэропорт, в расширение которого Пекин тоже намерен вкладывать средства (там будет разбит инновационный парк Китая). К визиту было приурочено открытие китайской компанией «Хайнань аэрлайнс» прямых рейсов Пекин — Манчестер¹⁷.

За последние два года Великобритания обогнала Нидерланды, став вторым крупнейшим торговым партнером КНР в ЕС. Кроме того, Великобритания стала крупнейшей страной — получателем китайских инвестиций в Евросоюзе. В случае выхода Британии из ЕС Китай лишается, по крайней мере, некоторых из уже завоеванных позиций и одного из своих главных союзников в рамках ЕС.

Это действительно так, однако *brexit* — не результат, а процесс, причем достаточно длительный и пока с неясным исходом. Британская политическая элита, не ожидавшая подобного результата референдума, попытается, несмотря на смену кабинета министров, всячески затянуть его и имеет для этого все возможности: официальный запуск процедуры выхода должен инициировать Лондон, а не ЕС. Кроме того, ст. 50 Договора о Евросоюзе предусматривает два года на решение всех формальностей даже после запуска процедуры выхода. При этом может потребоваться дополнительное согласие британского парламента, в котором большинство составляют противники выхода из ЕС¹⁸.

Но даже в случае выхода Британии из ЕС новые договоренности, по мнению комментаторов, скорее всего будут мало отличаться от нынешнего режима участия Лондона в ЕС¹⁹. Ведь даже ярые сторонники выхода после окончания референдума и своей неожиданной победы заявили о намерении «остаться в Европе» и сохранить с ней максимально тесные торговые и инвестиционные связи, а также свободу передвижения граждан.

Необходимо также учитывать тот факт, что в ходе референдума Шотландия, Северная Ирландия и Гибралтар проголосовали за то, чтобы остаться в ЕС, а это ставит за-

дачу сохранения единства Великобритании, тем более что попытки выхода из состава Соединенного Королевства продолжаются.

В этих условиях Британия может пойти по пути Дании, где существует частичное членство в ЕС (Гренландия, являясь частью Дании, не принадлежит к ЕС). Выходом для Великобритании мог бы стать частичный *brexit* Англии и Уэльса при сохранении в составе ЕС Шотландии, Северной Ирландии и Гибралтара и сохранении единства Соединенного Королевства в целом.

Следует также учитывать, что Великобритания не является сегодня главным союзником Китая в ЕС, а тем более — его «пятой колонной», несмотря на поразительные результаты визита Си Цзиньпина в 2015 г. и желание Лондона представить себя как главный форпост КНР в Европе. Великобритания соревнуется с Германией за право быть основным торговым и инвестиционным партнером КНР на европейском континенте, но это не говорит о том, что она могла бы быть активным лоббистом интересов Китая в Европе.

Союзника и лоббиста в последние годы Китай создал себе сам в лице стран Центральной и Восточной Европы, объединенных в формат 16+1. Отсчет существования этой структуры следует вести с 2012 г., когда состоялся первый подобный форум и был учрежден Секретариат по сотрудничеству Китая и стран ЦВЕ в Пекине²⁰. Впоследствии Китай распространил подобную практику и на отношения со странами Латинской Америки²¹.

Формат 16+1 сложился уже на первом саммите Китай — ЦВЕ в Варшаве, где Пекин представлял тогдашний премьер Вэнь Цзябао, а европейскую сторону — премьер-министры Польши, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Черногории, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Албании, а также вице-премьер Болгарии. Из них Хорватия стала членом ЕС только на следующий год, а еще пять балканских стран до сих пор в ЕС не входят. На четвертом по счету саммите, прошедшем в ноябре 2015 г. в Нанкине, присутствовали в качестве наблюдателей представители ЕС, Австрии, Греции и Европейского банка реконструкции и развития.

В состав Секретариата по сотрудничеству Китая и стран ЦВЕ входят представители всех заинтересованных китайских министерств — Минкоммерции, Минсельхоза, Минобразования, Минкультуры, МИД и др., а от стран ЦВЕ — специальные государственные координаторы. Сам секретариат возглавляет замминистра иностранных дел КНР Сун Тао.

Помимо этого, у Китая в Европе в рамках Форума 16+1 появляется новый союзник — «Вышеградская четверка», настроенная на проведение все более независимой от Брюсселя и Берлина политики, особенно по проблеме беженцев. Так что союзников у КНР в Европе хватает и без Британии.

Вместе с тем *brexit* усугубляет проблемы ЕС и создает дополнительную неопределенность, которая может затянуться на годы. Кризисные явления в ЕС и Европе в целом ставят под сомнение его устойчивость и заставляют европейские страны искать союзников в решении своих проблем на стороне. И наиболее удобным таким союзником для них оказывается Китай, способный помочь в решении экономических проблем при минимуме политических рисков.

Кризисы в ЕС, вопреки мнению многих отечественных аналитиков, совсем не обязательно приведут к его развалу — запас прочности у ЕС достаточно высок. Однако, даже сохранив устойчивость, ЕС будет вынужден, по словам одного из комментаторов²², заниматься «не строительством нового дома и даже не капитальным ремонтом, а латанием дыр и возведением подпорок». В любом случае способность ЕС решать те или иные международные проблемы, то есть субъектность структуры на международной арене, будет серьезно ослаблена. А это тоже на руку Китаю, в стратегии которого европейский континент занимает одно из первых мест. Так что европейское наступление Пекина продолжается, просто в рамках общей внешнеполитической наступательной стратегии оно временно отошло на второй план, уступив первое место концепции «Один пояс, один путь».

1. Подробнее см., например: *А.О.Виноградов*. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // *Философские науки*. 2015. № 1; *А. Виноградов*. Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 5; *Виноградов А.О.* Один пояс, один путь — европейское измерение // *Новый Шелковый путь и его значение для России*: Сб. ст. М., 2016. С. 189–206 и др.
2. Это главная претензия китайской стороны к руководству ЕС, наряду с требованием отменить введенное еще в 1989 г. (в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь) эмбарго на поставки оружия в Китай.
3. Protocol on the Accession of the People's Republic of China. WT/L/432. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_chine_e.htm
4. Помимо Китая, в список «нерыночных» стран Евросоюзом включены также Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Вьетнам, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Северная Корея, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.
5. Евросоюз обсуждает возможность предоставления Китаю статуса страны с рыночной экономикой. URL: <http://ru.ictsd.org/bridges-news/> (дата обращения: 15.01.2016).
6. URL: <http://m.fondsk.ru/news/2016/05/12/kitaj-vto-navstrechu-rokovoij-date-11-dekabnja-2016-goda-40194.html>.
7. Из европейских стран признает Китай страной с рыночной экономикой Швейцария, не являющаяся членом ЕС. Из других стран мира — Россия, Бразилия, Новая Зеландия, Австралия и др.
8. URL: <http://m.fondsk.ru/news/2016/05/12/kitaj-vto-navstrechu-rokovoij-date-11-dekabnja-2016-goda-40194.html>.
9. Подробнее см., например: *Карпов М.В.* Замкнутый круг «китайского чуда». М., 2014.
10. См. работы Фридриха Листа и др., в том числе американских экономистов XX в., включая Дж. М. Кейнса.
11. Кстати, наличие у страны статуса рыночной экономики также не является гарантией от проведения антидемпинговых расследований — в отношении экспорта российской продукции сталелитейной промышленности такие расследования проводятся регулярно.
12. Решение Европарламента не является обязательным для руководства ЕС, однако в условиях и без того сложной ситуации в Евросоюзе руководство Еврокомиссии нуждается в поддержке Парламента и будет стараться хотя бы на словах как-то находить с ним общий язык.
13. Сам текст соглашения и по сей день остается закрытым документом, что само по себе напоминает коллизию с заключением руководством Украины соглашения о партнерстве с ЕС, только в этом случае уже самим европейцам навязывают «кота в мешке». И это тоже вызывает обоснованное недовольство и опасения как в Европе, так и в Китае.
14. Сайт «Южный Китай». 25.06.2016. URL: <https://www.south-insight.com/node/218292>.
15. Там же.
16. См.: *Виноградов А.О.* КНР — европейские страны: структура многостороннего сотрудничества // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 1.
17. Там же.
18. См.: *Романова Т.А.* Кризисы Европейского союза и его будущее // Сайт «Россия в глобальной политике». URL: www.globalaffairs.ru/valday/Krizisy-Evropeiskogo-soyuza-i-ego-budushee-18320.
19. Там же.
20. См.: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 335–337, а также: URL: <http://www.odnako.org/blogs/silniy-kitay-slabaya-evropa-o-novom-sootnoshenii-sil-v-evrazii-chast-ii/>; URL: <http://www.odnako.org/blogs/asimmetrichniy-otvet-ili-strategiya-kitaya-v-globalnom-mire-chast-2/>; *А. Виноградов*. Европейское наступление Пекина — тактика или стратегия? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2014. № 5.
21. См.: *А.О.Виноградов*. Новый тип отношений и новый Шелковый путь: к вопросу о внешнеполитических инновациях Китая // *Китай в мировой и региональной политике*: Сб. ст. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 82.
22. См.: *Романова Т.А.* Указ. соч.